ДУША И ДРЕВО

Крестьянский брахман Сергей Есенин

На вопросы "ЗАВТРА" отвечает литератор Игорь ГРАЙ.

"ЗАВТРА". Игорь Владимирович, хотелось бы поговорить о Сергее Есенине, о глубинных основах его поэзии, его дара, о его пророчествах. Какие тайные знания несут в себе тексты Есенина?

Игорь ГРАЙ. Как-то, читая есенинские строчки "Не напрасно дули ветры…", я вспомнил, что у Пушкина есть похожее по смыслу стихотворение — "Пророк". В нём описан обряд передачи сверхспособностей при посвящении, в результате которого поэт становится пророком. Но это показано у Александра Сергеевича, скажем так, с европейской точки зрения. А Есенин в своём стихотворении то же действо подал совершенно по-другому. И возникают вопросы: что же скрывается за его языком, откуда у деревенского поэта знания о подобной инициации?

Когда утверждают, что Есенин начал говорить на языке Блока, подражал в творчестве кому-то, надо понимать: имитировать, конечно, можно сколько угодно. Но духовидец, приходя на землю, где он должен пророчествовать, говорит на языке того народа, к которому обращается. Есенин, перебравшись в город, посредством стихов разговаривает с людьми привычными для них формами. Но мысли вкладывает свои. Кажущаяся доступность есенинской речи подкупает, она становится песней.

Спрашивают: зачем он ходил по ночлежкам? Строится много версий. Есенин пишет:

Шум и гам в этом логове жутком,
Но всю ночь, напролёт, до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.

Да он их учил новому языку! Это не дворянский язык Пушкина, на котором говорили все поэты, включая того же Блока. И не народный, как в ранней есенинской повести "Яр". Есенин объединил городской, дворянский и народный языки в один. И это настолько в нас укоренилось, что мы до сих пор говорим на нём. Вернее, говорили вплоть до последнего времени, потому что в XXI веке речь стала стремительно меняться. Спрашивается: а почему не прижился революционный язык, изобретённый лефовцами? Или придуманный простонародный говор Зощенко? Отчего не укоренился стиль Платонова? Да потому, что всё это — языковые поиски, литература. А есенинский язык — это жизнь.

Недавно я раскладывал слова одной народной песни: "Вот стояло в поле древо, то́нко высоко́е, ли́стом широко́е, ко́рнем глубоко́е…" Представьте: высокое дерево с огромной кроной, глубоким корнем. Почему же у него тонкий ствол? Меня это заинтересовало. Оказалось, что в песне заложено древнейшее мировоззрение, возможно, даже доведическое. Речь в ней идёт о древе жизни, а оно соотносится с Книгой жизни, то есть Вселенной, тождественно ей. Буквы Книги жизни создали Вселенную, её идеи и сущности. Листья древа жизни олицетворяют такие же буквы.

Поэтическое творчество Сергея Есенина так же, как это древо, многослойно. Слой "для всех" — красивая картинка. Потом прослеживается слой-страдание. А в глубине — ведическая подоплёка.

"ЗАВТРА". Много идёт споров, какое мировоззрение было у самого Есенина?

Игорь ГРАЙ. Конечно, Есенин был крещёный, прекрасно знал Писание, что следует из его стихов. Но с православием тесно переплелась древняя философия нашего народа, которую Есенин приоткрыл в "Ключах Марии". Можно ли представить его творчество без этого? Поэтому не надо спорить о том, был ли он православный или, скажем, придерживался ведических взглядов. Он был нашего, деревенского мировоззрения, которое включает в себя все эти слои.

Чего только стоит недооценённая повесть Есенина "Яр", где он раскрывает суть народного миропонимания, блестяще изображает крестьянскую жизнь и, соответственно, национальный характер во всех его проявлениях — от светлых и жизнелюбивых до грубых и жестоких.

Например, в повести есть такой эпизод. В деревне начался падёж скотины, крестьяне просят священника отслужить молебен, чтобы избавиться от напасти. Но тот запросил непомерную для них сумму в 25 рублей, иначе молебна не будет. "Хорошо, — говорят крестьяне, — мы сами послужим". "Нет, я вам церковь не открою". Пошли к старосте: "Давай ключи, церковь наша". Староста: "Сейчас полицию вызову!" Тогда они собрали сход и решили поступить, "как деды делали". Все разошлись по домам, закрыли окна — никто к ним не подходит. Старостиха замоталась в мешковину, а одиннадцать девиц, включая дочь старостихи, раздевшись догола, запрягли старостиху в сошку и таким образом опахали деревню. Причём, Есенин упоминает, что раньше вслед им шли ещё и мужики, и первого встречного рубили топорами, считая его виновником несчастья деревни. Заканчивается рассказ уверением: когда таким образом деревню опахали, "падёж потихонечку улёгся". Вот вам здесь — и деревенское мировоззрение, и религия, и правосудие.

Сравните описание сенокоса в "Яре" крестьянина Сергея Есенина и в "Анне Карениной" графа Льва Толстого. Одно и то же действие, и великолепно показано у обоих авторов. Но Есенин-то повествует из глубины, из древности. У него чувствуется космическая взаимосвязь во всём: шишка на тропинку упала — из-за неё кто-то умер. И это чётко прослеживается в повести. Если этого не видеть, зачем тогда читать Есенина?

"ЗАВТРА". Как в этой связи можно объяснить есенинское буйство? Тем, что он находился в остром конфликте с той цивилизацией, в которой жил?

Игорь ГРАЙ. А как понимать такое явление, как Григорий Распутин? И он, и Есенин — посланники народа. Один мужик входил в высшие кабинеты, менял министров, с царём беседовал и в его вагоне ездил, князья с их жёнами ему руки целовали. Никто из них не задумался: это только один к ним пришёл, а их-то, мужиков, — вона! Они ничего не поняли, убили его. И их мир рухнул.

И Есенин тоже пришёл и сказал: — Вот мы! По-другому вести себя не мог — он пророк. Осуждать какие-то есенинские пьянки, драки — смешно. К людям такого калибра подходить с общей точки зрения нельзя!

То же и в его отношениях с женщинами. Они были для Есенина жрицами, которые понимали, что он человек высшего порядка, их обязанность — ему служить. Они это чувствовали и приходили, и были счастливы этим.

Считается, что брахман обязан принимать подношения. Другое дело, что в 50 лет он берёт посох, одевается в длинную льняную рубаху и пешком уходит от богатства, мира, семьи. Где умирает, никто не знает.

А если тебе 42, а уже надо уходить? Или 30? Такой человек, как Есенин, умирает не тогда, когда надо, а когда его служение закончилось. Ты выполнил функцию, ты дал язык, ты всё сказал. Что дальше? Идти в политику, становиться мэтром, вести крестьянскую тему в Союзе писателей до пенсии и потом благополучно от очередного запоя скончаться? Люди такого калибра вовремя приходят и вовремя уходят.

"ЗАВТРА". Земля, где появился Есенин, тоже сакральная, повествующая об ушедших временах, о "золотом веке": холмы, излучина русской реки Оки… Фактически это ландшафтный портрет Есенина…

Игорь ГРАЙ. Конечно, ведь крестьянский путь — это путь предков, неразрывно связанный с землёй. Он начинается с того, что из пространства ниспадает дождь, земля от дождя наполняется и даёт пищу, её принимает мужчина и наливается силой — это ландшафт, уже слитый в его семени. Потом появляется ребёнок "из печи женщины"… Так звучит очень древний брахманический текст. Этот процесс связан с реинкарнацией. Душа есть, она уже заложена, поэтому кто-то возвращается и в том же роду находится, а кто-то остаётся в мире предков и опекает вернувшихся. Если Есенин верил в реинкарнацию, то воспринимал её именно как родовой, крестьянский путь, путь предков. Поэтому с ландшафтом, безусловно, связана душа. В другом месте не мог родиться Есенин.

"ЗАВТРА". Вряд ли Есенин читал ведические тексты. Откуда он знал об этом?

Игорь ГРАЙ. Есенин говорил, что это передаётся с кровью. В его программной статье "Ключи Марии" есть такая загадочная фраза: "Всё от древа — вот религия мысли нашего народа, но празднество этой каны и было и будет понятно весьма немногим". Основой веры нашего народа стало это Вселенское древо. И, конечно, Свет, что его создал.

Далее в "Ключах Марии" прямым текстом написано: "..весь абрис хозяйственно-бытовой жизни свидетельствует нам о том, что он был, остался и живёт тем самым прекрасным полотенцем, изображающим через шёлк и канву то символическое древо, которое означает "семью"…". Но эта "семья" включает в себя не только далёких предков, но и не рождённых потомков. Более того — всю общину.

Кто-то скажет: полотенце какое-то с вышивкой — ну и что? Знаменитый этнограф Светлана Васильевна Жарникова писала: "В Ригведе гимнотворчество мудрецов (Риши или Раша) — это процесс, в котором высшая творческая сила слова (озвученная мысль) создаёт космос, ткёт его. О единстве понятий узор ткани и узор песни, ткать ткань, излагать песню, свидетельствует такой термин санскрита как "прастава", имеющая аналогию в севернорусском диалектном "прастава", "прастявка". Но севернорусская "прастявка", "прастава" — это вышитая или заполненная тканым узором полоса ткани, украшающая рубахи, передники, концы полотенец набожников, скатерти, свадебные простыни, то есть сакрально означенные вещи". Вспомним, что у нас полотенца висят на божницах до сих пор. Вот что такое древо, вышитое на полотенце. Есенин это знал.

"ЗАВТРА". К сожалению, сейчас мы видим только осколки былой русской деревни. Архетипы остаются, но лишь отдельными искорками они проходят по Руси. Этот перелом, уход из деревни Есенин в своём творчестве описал. На некоторое время деревня была законсервирована в колхозном строе и даже опоэтизирована сталинской культурой. Как только колхозные скрепы раскрылись: стали давать паспорта, появилась возможность уехать в город — деревня исчезла. Мощная культура, с которой я ещё в детстве сталкивался, люди, органически связанные со своей землей, исчезли. Сейчас на их место пришли порой прекрасные, но иные, парящие на каком-то расстоянии от почвы, люди — со своим языком и мировоззрением. Они — практически мои соседи по городу, только живущие в деревне. Почему так? Откуда всё берётся и куда уходит?

Оплечье женской рубы. Начало XIX в. Онежский уезд Архангельской губернии.

Игорь ГРАЙ. Дело в том, что меняться-то ничего не может. Я же про крестьянско-родительский путь рассказал. Предки возвращаются, причём с древним знанием — оно во всех дремлет.

Люди, расселённые по городам, их же и разрушат. Вандализм на улицах не случаен, он был и раньше. В советское время я работал на ферме. Навоз, скотницы, алюминиевое оборудование: трубы, огромные баки. Мой отец заведовал лабораторией, куда привозили и испытывали импортную технику для доения. Как-то он привёз из Швеции новую аппаратуру — стеклянную, сверкающую. Все засуетились, пришли посмотреть. Я тоже там в телогрейке бегаю. Вижу, стоят два подвыпивших скотника, и один говорит: "Я её всё равно разобью!" Зачем?! Взрослый мужик, под полтинник. "Мы только тут наладились жить с алюминием, а вы нам опять что-то везёте. Разобью!"

Такая странная разрушительность русского народа проявляется, потому что он не принимает душой втянувший его город. Когда-нибудь он этот город сокрушит и уйдёт на наши просторы. Новые люди всё равно рождаются — оттуда, из пространства, пришедшие от предков, и у них есть бабушки и дедушки, которые на них смотрят и ими руководят. Но есть, конечно, и отморозки, которые этого не знают. Те, по брахманическим текстам, становятся червячками и кусающимися тварями, насекомыми. Их не так много.

"ЗАВТРА". Описывая трагедию конфликта города и деревни, Есенин использует в том числе и музыкальные образы: "погибельный рог", "пастушеский рожок", "плачущая тальянка", "небесный барабанщик", "солнце-барабан" — и они именно русские, деревенские. Да и себя он называл "Божьей дудкой". Это тоже ведь не случайно?

Игорь ГРАЙ. Есенин в "Ключах Марии" писал: "Мысль о … происхождении от древа породила вместе с музыкой и мифический эпос. Происхождение музыки от древа в наших мистериях есть самый прекраснейший ключ в наших руках от дверей закрытого храма мудрости". Дальше идёт явный намёк на гусли, которые запрещали и возами жгли, вплоть до последних царей. А музыка, звук — это первое свойство Брахмо. Как пишет Жарникова: "Брахмо в древнеарийских текстах называется эфиром. И утверждается: эфир высший из элементов. У него есть только одно свойство, и называется оно звуком". Поэтому жрецы, вернее служители Свету, поют гимны. Это первопоэзия.

Потом уже была античная поэзия — Орфей во Фракии. Тамарис, Линос и Амфион на языке храмов олицетворяют три рода поэзии. Тамарис воспевал борьбу титанов против богов. Его ослепили музы. Линос принёс на землю античности тоскливые песни Востока: луна, слёзы, свечи — то, что у нас так любят. Его убил Геракл. А Амфион своей лирой — звуками — поднимал камни и строил храмы. Вот это да! Всё это позднейшая, античная раскладка. Есенин же на ещё более древних слоях стоит. Конечно, звук — первопричина. А он звуком ух как владеет!

Жарникова отмечала, что на наших ведических празднествах были обязательными гимны огню. Огонь сам есть Свет, который создал весь мир. Он сам есть великий поэт, и благодаря его поэтическому слову были созданы люди. И служит ему в одном лице исполнитель на гуслях, певец и автор текста. Семь нот, аккорд — это сверхсветлый свет создал пространство и основу личности с помощью звука. Вот и Есенин говорит, что "звук от древа ведут крестьяне…", а далее повторяет: "То, что музыка и эпос родились у нас вместе через знак древа, заставляет нас думать об этом не как о случайном факте мифического утверждения, а как о строгом вымеренном представлении наших далёких предков".

"ЗАВТРА". Вспомним стихотворения Пушкина и Есенина, с которых мы начали беседу. У Пушкина превращение поэта в пророка — таинство, раскрытие некоего дара. И сравнение мира с пустыней — это очень важный момент. Пушкинский герой явно идёт по полям, лесам, берёзовым рощам, но в своём дерзновении и "духовной жажде" ничего вокруг не видит, кроме пустыни. То есть он готов к инициации. Есенин же по-другому смотрел на мир.

Игорь ГРАЙ. Конечно! Потому что Пушкин учился в лицее, получил европейское воспитание. Если бы не Арина Родионовна, возможно, он так и остался бы талантливым подражателем Байрона. И поэтому пустыня — это самосмирение, самобичевание. Пустыня — это мораль. Западная мораль построена на том, что мы страшно боимся греха, но хотим его, и для избавления от этого желания умерщвляем плоть. А русская нравственность — не боязнь греха, а ненужность его. Это позиция Есенина.

"ЗАВТРА". Идея понятна: по Пушкину, приблизиться к божеству можно через самоограничение, искусственное самоотсечение, через тиски. С помощью этого триумфа воли ты сам себя выводишь из мучительных оков греха. Другой путь возвышения — это путь принятия мира в его многообразии и сложности.

Игорь ГРАЙ. Чтобы это понять, вернёмся к стиху Есенина.

Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.

Ветер — очень важный момент, это носитель вибраций. "Ой, да налетели ветры злые…" — то есть плохая ситуация сложилась. И Есенин начинает с этого: появились вибрации, гроза. То есть грозная сцена — не меньше, чем явление шестикрылого серафима в пустыне. Только дальше у Пушкина: "И он мне грудь рассёк мечом, / И сердце трепетное вынул, / И угль, пылающий огнём, / Во грудь отверстую водвинул…" А у Есенина неожиданно: "Кто-то тайный тихим светом напоил мои глаза". Первые две строки у него рисуют направленное воздействие мощных сил природы для определённой цели — "напоить глаза" поэта, открыть вежды знанием света или влить в ученика свет знания. И вокруг этого — всё спокойно, время остановилось.

"Кто-то тайный" в данном случае, конечно, не ветхозаветный Бог, но всё равно имя его нельзя произносить, он привлекает силы природы для решения задачи. Учение было не напрасным — ученик усвоил материал:

С чьей-то ласковости вешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.

Герой стихотворения стремился в прекрасную, сокрытую, нездешнюю землю. Земля эта — может, Беловодье, может, Лукоморье. Путь туда — цель жизни: уйти в свой Китеж, в покой. Но кто-то ласково, но твёрдо велел "отгрустить" по этой мечте и оставаться среди современного хаоса для служения заданной цели. Причём, звучащий в стихотворении вешний мотив обещает воскрешение, жизнь вечную.

Далее идёт:

Не гнетёт немая млечность,
Не тревожит звёздный страх.
Полюбил я мир и вечность,
Как родительский очаг.

После того, как поэт прозрел, он стал Пророком, ему было открыто устройство Вселенной — вот это самое Древо. Ученические страхи прошли. Только поняв своё место во Вселенной, можно по-настоящему заниматься земными делами, на которые он был благословлён. Именно это придётся выполнять. То есть великая формула: что сверху, то и снизу — полюбить вечный мир, как малую родину. Служение ему определено.

Далее говорится о родителях, потому что это родительский путь. Он понял, что мир и вечность и родительский очаг — это одно и то же.

Всё в них благостно и свято,
Всё тревожное светло.
Плещет рдяный мак заката
На озёрное стекло.

Вот она, заповедная земля, практически град Китеж! Даже тревога там и та светлая. Он понимает, что его Китеж не за тридевять земель, а он и есть Родина. Не надо искать покоя в других землях.

Но гармония жизни нарушена в предреволюционные времена. Есенин пишет мрачную красно-сиюю картину: тут и пожар заката, и хрупкое стекло озера, из которого не напиться. Именно от этого мрака и должен спасти Пророк свой народ, растворив во мраке себя — избыть мрак собою. Жизнь пока ещё прекрасна, но уже ненадолго, поэт, зная это, готовится.

Для сохранения души община должна пожертвовать хлебом или плотью. У них ежедневный труд — это жертва. Хлеба полно, Есенин же пишет: "море хлеба", но, если им пожертвовать, будет голод и смерть. Тогда он себя отдаёт, чтоб веселье села продолжалось. Он же для того и писал — стихи, частушки, чтобы в селе хоть какое-то веселье было.

И невольно в море хлеба
Рвётся образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка.

Красный телок — это революция. Но мы помним, что приходу Мессии должны предшествовать жертвенные красные коровы. Есенин это прекрасно знал.

"ЗАВТРА". Жертвенный телец.

Игорь ГРАЙ. Конечно! Телок очень скоро вырастет. Посвящённый поэт стал Пророком, он становится жертвователем и жертвой за свой народ. Так построена Вселенная.

В стихотворении, как мы видим, нет ни одного лишнего слова.

ЗАВТРА". В заключение хотелось бы понять: всё же эта есенинская вещь — "Ключи Марии" — даёт нам ключи?

Игорь ГРАЙ. Когда я ещё школьником прочитал статью, мне ничего это не дало. А в наше время труды Светланы Жарниковой и других авторов не то чтобы раскрывают тайны, но говорят об одном и том же. Всё больше людей это осмысливает. Но понять глубинные смыслы можно, только если тебя научат. Сейчас наступила новая эпоха, когда тайное знание, ранее специально убранное от людей, приоткрывается. У многих начинают открываться глаза, и скоро уже всем станет понятна сущность Вселенского древа и в "Ключах Марии", и в песнях советских композиторов, и в былинах. Есенин говорил: "Всё в крови. Вся эта музыка и эпос — в крови". Она у наших людей зазвучит: кровь почувствует колебания Вселенной. Начинается новая эпоха! Её противники во всём мире торопятся прикрыть процесс, только ничего у них не получится.

"ЗАВТРА". Игорь Владимирович, спасибо за интересную беседу!

Беседовал Андрей ФЕФЕЛОВ

Екатерина ГЛУШИК. "Своя чужая жизнь". — М.: "Вече", 2021. — 352 с.

ТАИНСТВЕННОЕ В ОБЫДЕННОМ

Проза справедливости Екатерины Глушик

ПРИ ВСЁМ ИЗОБИЛИИ книжной продукции на полках немногочисленных оставшихся книжных магазинов, перед читателем, испытывающим интерес к отечественной литературе, сегодня остро стоит вопрос: что почитать? Не приобщиться к сомнительной харизме остепенённых "либеральными" премиями, раскрученных до оскомины авторов — бульварных борзописцев, бытописателей новой русской реальности, профессиональных порнографов и антисоветчиков, а просто почитать, что называется, "для души", как это было принято в прежнее, стабильное и человечное время. Само собой, речь идёт не об испытанной родной классике — русской, советской; она была и остаётся надёжной нравственной опорой для людей в смутные новейшие времена. Но порой классики недостаточно для того, чтобы почувствовать пульс современности, ощутить причастность к жизни нынешнего дня, убедиться в том, что русская литература существует, поддерживая преемственность по отношению к великой отечественной традиции. Да, конечно, есть старая гвардия — Александр Проханов, Владимир Крупин, Юрий Поляков, ещё некоторый ряд имён, представляющих современную русскую литературу. Эти имена говорят сами за себя, их творчество авторитетно и востребовано. Но в то же время не секрет, что творчество писателей, раскрывшихся в постсоветские годы и продолжающих традиции русской советской литературы, не пользуется благосклонностью либеральной издательской индустрии и, как следствие, книжных торговых сетей. Этот перекос, злонамеренный и неслучайный, уже дал результаты: в сознании значительной части читающей публики, особенно молодёжи, прочно закрепился стандартный набор литературных имён, не обеспеченных ни талантом, ни мастерством, ни, хотя бы, знанием жизни и пониманием гуманистической миссии литературы. При этом традиционная ветвь русской словесности плодотворно развивается даже в своеобразных условиях внутренней резервации, противопоставляя коммерческим и либерально-идеологическим технологиям то, что и является сутью литературы — выраженную в художественной форме правду жизни, основанную на традиционных национальных и общечеловеческих ценностях.

Книга "Своя чужая жизнь" современной русской писательницы Екатерины Глушик принадлежит именно к этому направлению. Известный и признанный мастер художественного рассказа и публицистического очерка, требующих глубокого знания жизненных реалий и искренней пристрастности в суждениях, она вернула в современную новеллистику то, что делает короткие истории интересными для широкого читателя. Простые, зачастую совсем незамысловатые сюжеты, как будто выхваченные непосредственно из жизни, под вдохновенным, внимательным и пытливым пером Екатерины Глушик раскрывают своё содержание, в котором, в свою очередь, проступает глубокая правда и философия жизни. В книге помещены тридцать два художественных текста — от совсем короткой истории, почти без сюжета, в его привычном понимании, до небольшой повести. Если попытаться свести содержание книги к какой-то общей идее, то эту идею можно было бы выразить совокупностью привычных и знакомых представлений: жить нужно честно и достойно; зло всегда будет наказано, а добро — вознаграждено; все люди равны и должны ценить и уважать друг друга; родину нужно любить… Этот ряд представлений можно продолжать. Казалось бы, что может быть более естественно, чем эти истины? В то же время мы видим, как часто люди пытаются обмануть законы бытия, издревле сформулированные в социальном и религиозном опыте человечества, и устроить своё благополучие путём нарушения или прямого попрания этих законов. Жизненные ситуации, которые мастерски воссоздаёт в своих рассказах и повестях Екатерина Глушик, с одной стороны, обладают высокой степенью достоверности, а с другой — столь же высокой степенью универсальности, общедоступности в своём глубоком бытийном смысле.

Остановимся на одной из историй, давшей название книге — рассказу (фактически — небольшой повести) "Своя чужая жизнь". История Анатолия Брагина — человека, по воле обстоятельств и собственной слабости оказавшегося на дне жизни, хотя и реальная история, но она отчасти и чудесна. Ярко и убедительно Екатерина Глушик показала механизм "выпадания" человека из цивилизованной жизни, и подробности безнадёжного бытия людей, также, по разным причинам, оказавшихся бомжами. Обретение Анатолием чужого семейного альбома с фотографиями вполне реалистично, но цепь дальнейших обстоятельств, действий и поступков в своей полноте представляется истинным чудом. Казалось бы, поступи одно из действующих лиц рассказа в какой-то момент несколько иначе — цепь совпадений была бы разорвана, и чуда бы не произошло. Но автор чутко и деликатно творит логику действительных событий, в результате чего происходит счастливая развязка, которая выглядит в глазах читателя совершенно естественной и логичной — только, может быть, освещённой изнутри каким-то внутренним светом.

Екатерина Глушик хорошо знает бытовой язык современного "среднего" человека в его социальном многообразии. Все её персонажи обладают яркой индивидуальностью, собственной манерой речи, алгоритмами речевой психологии. В своих историях автор не придерживается схем, как это зачастую можно заметить у иных рассказчиков. В большинстве случаев она ограничивается чистым нарративом, не привлекая в текст ни лирических отступлений, ни авторских размышлений; она предоставляет своим героям возможность и право самим высказывать всё, что так или иначе должно быть высказано в сюжете для воплощения полноты смысла повествования. Прекрасно владея искусством видения деталей второго плана, автор воссоздаёт бытовой и бытийный фон, на котором развиваются события.

При том, что рассказы Екатерины Глушик не объединены явной общей канвой, которая делала бы их частями некоего цельного замысла, но удивительным образом чтение на протяжении всей книги представляет собой процесс, происходящий естественно и непрерывно. Одна жизненная история перетекает в другую, и все они, в своей последовательности, раскрывают сущность русского бытия в его социальном многообразии и событийной полноте.

В реалистичные жизненные истории неожиданно вторгаются две новеллы научно-фантастического содержания, формально как бы нарушая целостность реалистического замысла книги ("В поисках матки Вселенной" и "День рождения галактики"). В своей сути эти новеллы затрагивают важнейшие философские и онтологические вопросы и проблемы, причём в цивилизационном масштабе. Эти рассказы выдержаны в лучших традициях соответствующего жанра, при этом они написаны свежо и ярко, читаются на одном дыхании и органично встраиваются в реалистическую концепцию книги.

Также отдельно следует сказать о произведениях, в основе которых присутствует авантюрный или детективный сюжет ("Отсроченная месть", "Сворованная строка", "Расплата" и др.). Острота и динамичность повествования достигается не дешёвыми средствами бульварной литературы, а всё тем же — приверженностью автора жизненной правде, точностью и честностью в подаче материала, знанием человеческой психологии и способностью воссоздания живой последовательности событий — сначала в авторском воображении, затем в пространстве художественного слова.

Тридцать два рассказа — тридцать два сюжета, тридцать две истории, наполненные любовью к человеку, к его лучшим качествам. Екатерина Глушик снисходительно относится к человеческим слабостям и несовершенством, но её авторская позиция совершенно нетерпима по отношению к любым проявлением низости и подлости, лицемерию и жестокости. "Любое зло, в том числе экономический терроризм, нельзя гонять по свету, нельзя просто выдворять его, а надо пресекать, уничтожать зло. Бомба может взорваться один раз в одном месте. Зло, не уничтоженное, а попросту изгнанное из одного места, может взрываться много раз во многих местах, пока само не будет уничтожено". Эти слова героини рассказа "Печаль счастливого романа" можно считать личным кредо лирической героини книги Екатерины Глушик. Через все драматические ситуации, описанные в её рассказах, красной нитью проходит мысль о неотвратимости справедливого возмездия за совершённое зло. Мысль эта и прямо высказывается, и логически вытекает из развития сюжета ("Расплата", "Сворованная строка", "Манжета" и др.). И в то же время люди, избравшие для себя путь добра и честности, всегда вызывают нескрываемую симпатию автора и представляются примерами для подражания.

Александр Проханов в предисловии к книге отметил, в частности: "Это умение Екатерины Глушик увидеть таинственное в обыденном — свойство замечательное и редкое: реализм, который пишет не только природу, душевные состояния, отношения героев, а реализм, который пишет неописуемое, невыразимое. Однако у Глушик оно поддаётся описанию, поддаётся выражению. Как это у неё получается, трудно сказать. Так подбираются слова, так строится их музыка, так развиваются и заканчиваются сюжеты…". Именно вот эта особенность и самобытность — в подборе слов, в мелодии рассказа, в развитии сюжета — и составляет очарование и загадку прозы Екатерины Глушик. Вроде бы всё просто — и в то же время за этой кажущейся простотой открывается широкая перспектива бытия, проступают глубинные смыслы обыкновенных и зачастую обыденных человеческих поступков, а также странные и порой неожиданные "подтексты" человеческих судеб. Опыт русской литературной традиции, оплодотворённый живым дыханием текущего века, даёт возможность Екатерине Глушик говорить правду о своём времени и о людях-современниках. Читатель — ценитель хорошей современной русской прозы, открывший книгу "Своя чужая жизнь", не будет обманут в своих ожиданиях. Это именно то, что стоит прочитать.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ,
Заслуженный работник культуры РФ